

Папа Сяо, не зная, как совладать с сыном, в отчаянии воззвал к помощи супруги. Услышав по телефону рассказ мужа о недавней стычке из-за Янь Жаня, У Лань лишь спокойно ответила:

— Ну и оставь ты его в покое.

Папа Сяо едва не выронил трубку:

— Как это — оставь? Да если за ним не приглядывать, он же на шею сядет и ноги свесит!

У Лань негромко рассмеялась:

— Да куда он сядет? Чун-чун с самого детства сторонится людей, со сверстниками ему обсудить нечего, гулять он не любит... Ему сейчас пятнадцать-шестнадцать — самый возраст для протеста. Это совершенно нормально.

— О да, протестует он знатно, — проворчал отец. — Ты бы слышала, как он со мной разговаривает. Мне в пору его самого дедушкой величать — он и глазом не моргнет, примет как должное.

— Ну, в этом деле ты и сам хорош, вечно небылицы сочиняешь! — беззлобно поддела мужа У Лань. — Если знаешь, что сын терпеть не может твоих расспросов о посторонних вещах, просто держи себя в руках.

— Да он просто пользуется тем, что ты за него горой, — плакался папа Сяо.

— Послушай, — посерьезнела У Лань. — Мне кажется, Янь Жань — славный мальчик. В том, что они подружились, нет ничего плохого. Сяо Цзичун с пеленок из книг не вылезает. Мы старались подбирать ему разную литературу, но он всё равно склонен уходить в свой выдуманный мир. И то, что в этом возрасте он наконец-то решил высунуть голову из панциря и почувствовать чужую жизнь, научиться понимать другого человека — разве это плохо?

Она помолчала, подбирая слова:

— Янь Жань — отличный выбор. Он совсем не похож на своих родителей: мягкий, терпеливый, умеет сопереживать и быть благодарным. Это редкость. Сам подумай: с таким тяжелым характером, как у твоего сына, смог бы он сойтись с кем-то другим? Остальные в их классе — сплошь отличники с непомерным самомнением. Даже если бы они ладили, вряд ли Цзичун открыл бы им душу. У него слишком высокая психологическая защита — ты же сам сказал, что в пору перед ним на цыпочках ходить. Наш мальчик вырос. Ему трудно делиться с нами сокровенным. Дети в его возрасте инстинктивно оберегают свое «я» от влияния старших. Любое наше вмешательство они воспринимают как попытку контроля и сразу рвутся на волю.

Но со сверстниками у них нет такой настороженности. С ними они готовы говорить обо всём.

Папа Сяо замолчал, переваривая отповедь. Наконец он нехотя признал поражение:

— Ладно. Может, мне тогда... извиниться перед ним?

— Еще чего! — отрезала У Лань. — Он и так задирает нос выше неба. Будешь извиняться — он и вовсе возомнит себя пупом земли.

Папа Сяо едва не прослезился от умиления. Всё-таки жена у него — золото, понимает его как никто. А сын... что ж, вырастает сын — и становится отрезанным ломтем.

Наступила суббота. Рано утром папа Сяо уехал в командировку в тот поселок, где работала жена.

В Первой средней школе города М для первых и вторых классов старшей школы выходные были полноценными, но для элиты из экспериментальных классов и лучших учеников обычных потоков по субботам проводились дополнительные занятия. Остальные же ребята частенько пропадали у репетиторов. В общем, на отдых оставалось едва ли воскресенье.

Поскольку школа была в основном интернатного типа, раз в месяц ученикам давали «большие выходные», когда иногородние могли поехать домой. Однако город М занимал огромную территорию — равнин здесь было мало, в основном горы, и некоторые уезды находились в глуши. Дети из бедных горных деревень, сумевшие пробиться в престижную провинциальную школу благодаря таланту и железной воле, домой ездили только на каникулах. Их родители обычно пропадали на заработках в больших городах, а сами ребята привыкли к казенным стенам еще с начальных классов. Если к кому-то изредка и приезжали бабушки с дедушками, чтобы привезти домашних гостинцев, то большинство и вовсе оставались без навещающих.

Сяо Цзичун собирался в школу на допзанятия. Отец протянул ему двадцатку:

— Это тебе на два дня на еду. Старайся питаться в школьной столовой, не хватай на улице всякую дрянь. Я вернусь завтра к вечеру, так что на ночь запирайся на все замки.

Цзичун молча кивнул.

— И не вздумай один ехать к деду, — добавил отец.

Сын снова кивнул.

— На следующей неделе я сам съезжу в уезд Юньшань. Если хочешь что-то передать дедушке — приготовь, я отвезу. Но прекращай эти вояжи в деревню, а то совсем от рук отобьешься.

Цзичуну эти нравоучения были не по нраву, поэтому он промолчал.

— Ладно, ступай на уроки. Будь осторожен по дороге, не летай в облаках, когда переходишь улицу.

Решив во что бы то ни стало вернуть долг Янь Жаню, Сяо Цзичун твердо вознамерился экономить. Если не обедать в кафе, можно сберечь всю двадцатку.

Днем он вернулся домой, порыскал в холодильнике и, обнаружив там яйца и пачку лапши, решил сообразить себе обед. Готовить лапшу ему было не впервой, но Цзичун никогда не задумывался о том, что кулинария может стать частью его жизни, а потому и не пытался вникнуть в тонкости. В этот раз он безбожно пересолил воду — есть это было почти невозможно.

Кое-как проглотив пару кусков, он немного поспал и отправился на дневные занятия. Ко второму уроку желудок предательски заурчал, но перекусить было нечем.

Янь Жань, заметив, что староста как-то вяло смотрит на доску, прошептал:

— Ты чего? Заболел?

Сяо Цзичун лишь качнул головой:

— Есть хочу.

Янь Жань сверился с часами:

— Еще двадцать минут до звонка.

Цзичун подумал, что и после звонка ловить ему особо нечего. Дома разве что печенье найдется, да можно в рисоварке кашу сварить и съесть с соленьями из банки.

Наконец занятия закончились. По субботам уроков было всего два, а вечерняя самоподготовка отменялась. Как только прозвенел звонок, учителя испарились из кабинетов быстрее учеников. Девочки стайками потянулись за сладостями, в книжные магазины или в парикмахерские. Парни же по обыкновению рванули на баскетбольную площадку или футбольное поле. Даже те,

кто жил в городе, не спешили домой — делать там в субботний вечер было решительно нечего.

— Староста, пойдем в баскетбол поиграем! — крикнул кто-то из одноклассников.

Цзичун бы и рад, да сил от голода не осталось.

— Если завтра соберетесь — звякните мне. Сегодня дома дела, нужно идти.

— А, ну ладно, — парень повернулся к Янь Жаню, который с надеждой наблюдал за разговором, и нехотя добавил: — Янь Жань, а ты как? Хочешь с нами? Мы просто так, для души, уметь необязательно.

Янь Жань тут же замотал головой:

— Нет-нет, я совсем не умею.

Будь на его месте кто-то другой, его бы, возможно, уговорили, мол, «да мы все не мастера, научишься». Но Янь Жаню просто ответили: «Ну, как знаешь. Мы пошли».

Янь Жань подошел к Цзичуну, собиравшему сумку:

— Может, сходим поедем жареной рыбы? Я знаю одно местечко, там очень вкусно. Я угощаю.

Цзичун посмотрел на него:

— А ты разве не дома ужинаешь?

«Ишь какой, — подумал Сяо, — уже в дверях стоит, а только сейчас спрашивает. Зажигание у него, конечно, позднее».

— Отец уехал к матери.

Янь Жань понимающе кивнул:

— Да, я слышал от папы. Твоя мама в поселке на целый месяц, верно?

— Да, вернется только через неделю с лишним.

— А твои родители зачем в столицу провинции укатили? — спросил Цзичун. Он понимал, что

это личное, но любопытство взяло верх.

Янь Жань ответил просто, без задней мысли:

— Дядя сказал, что в столице провинции открылся новый жилой комплекс в перспективном районе. Вот папа с мамой и поехали присмотреться, хотят квартиру купить.

Цзичун промолчал. «Квартиру в столице... М-да, Янь Жань и впрямь из другой лиги».

Заметив, что Сяо вдруг посерьезнел, Янь Жань немного помедлил и робко предложил:

— А ваша семья не хочет прикупить там жилье? Если надумаете — скажи, я родителям передам. Они через какие-то связи выбили себе лучший вид и планировку. Если и вы купите, то... — Янь Жань мечтательно улыбнулся, — то и в столице провинции будем жить по соседству.

Сяо Цзичун посмотрел на него с нескрываемым скепсисом. Янь Жань всё-таки был поразительно наивен. Неужели он думает, что деньги на квартиру в столице провинции растут на деревьях?

— Это родители решают. Но я могу спросить.

Янь Жань продолжил:

— Мой дядя говорит, что судя по экономике, цены на жилье в больших городах будут только расти. Это неизбежно. Так что если надумаете — сейчас самое время.

— Твой дядя — это тот самый профессор из Цайда? — уточнил Цзичун.

— Да, он.

— Янь Жань, — Сяо Цзичун внимательно посмотрел на друга. — У тебя самого есть какие-то планы на жизнь?

Тот не ожидал такого резкого поворота темы. Он немного замялся:

— Мама говорит, что после школы мне лучше поступать в Цайда. Там дядя сможет за мной присмотреть. Потом магистратура, докторантура... Можно остаться в университете преподавать. Всё равно моя двоюродная сестра уехала в Америку и вряд ли вернется, так что дядины связи... ну...

Сяо Цзичун оперся локтями о стол и, подперев щеки ладонями, замер, не сводя с Янь Жаня спокойного, изучающего взгляда.

От этого молчания Янь Жаню стало не по себе. Слова застряли в горле. Он заерзал на стуле:

— Что... что не так?

— А если не слушать маму и дядю? — негромко спросил Цзичун. — Тебе-то самому это по душе?

Янь Жань растерялся. Он долго молчал, пытаясь угадать, какой ответ хочет услышать Сяо Цзичун, но в итоге выдавил то, что действительно было на уме:

— Мне кажется... это неплохой вариант. Разве плохо быть преподавателем в университете?

Цзичун лишь неопределенно хмыкнул и отвернулся к окну, разглядывая речную гладь.

Янь Жань мгновенно почувствовал: его ответ разочаровал друга. Но как ответить «правильно», он не знал. На сердце стало тяжело, а в уголках глаз предательски защипало.

Сяо Цзичун заметил перемену:

— Ты чего? Плакать собрался?

Янь Жань опустил голову, борясь с комом в горле:

— Мне кажется... ты меня презираешь.

— С чего ты взял? — удивился Цзичун. — Наоборот, завидую: у тебя есть четкая цель. Если знаешь, куда идти, — иди и не оборачивайся.

— Нет, — Янь Жань шмыгнул носом. — Ты наверняка думаешь: «Этот Янь Жань — просто маменькин сынок, делает только то, что велят, и ни на что сам не способен».

Договорив, он сам испугался своих слов. Откуда это взялось?

Цзичун вздохнул, потянулся через узкий столик и кончиками пальцев осторожно смахнул слезинку с щеки друга. Он прикоснулся тепло и удивительно нежно, но Янь Жань замер как вкопанный, ощутив в этом жесте какую-то неведомую силу. Когда Сяо убрал руку, Янь Жань торопливо вытер лицо салфеткой.

— Я только тебе об этом сказал, — пробормотал он. — Не говори никому.

— Ты за кого меня принимаешь? Я похож на сплетника?

— Нет, я не то имел в виду, — поспешно оправдался Янь Жань. — Просто боюсь, что другие засмеют. Скажут: с такими оценками — и в аспирантуру метит.

Цзичун усмехнулся:

— Да плевать, что они скажут. Будь собой.

Янь Жань увидел улыбку старосты, и напряжение наконец отпустило.

— А у тебя? У тебя есть план?

Сяо Цзичун покачал головой:

— Пока нет. Потому и завидую тебе.

Янь Жань приободрился и принялся утешать друга:

— Да ты же гений! У такого, как ты, всё получится. Ты сможешь стать кем угодно, вот увидишь.

Цзичун ничего не ответил. В этот момент официант принес заказ, и всё внимание Сяо переключилось на исходящую паром рыбу. В его возрасте пропущенный обед казался катастрофой мирового масштаба.

На следующий день Сяо Цзичун засел за кулинарные эксперименты. Учтя вчерашние ошибки, он сварил лапшу и даже позвал Янь Жаня в гости. Тот пришел не с пустыми руками — прихватил банку домашнего мясного соуса с говядиной.

Получилось знатно: по большой чашке лапши, щедро сдобренной соусом.

После обеда Цзичун выложил перед другом припасенные тридцать юаней:

— Это за мной. Остаюсь должен еще сто семьдесят, верно?

Янь Жань хотел было сказать, что Сяо столько времени тратит на объяснение ему задач, что долг можно и простить, но слова застряли в горле. Он побоялся задеть гордость друга.

Пришлось молча забрать деньги. Янь Жань чувствовал себя донельзя неловко — будто это не ему возвращали долг, а он сам побирался.

<http://bllate.org/book/17500/1659565>